A 266/456

Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Большая Подъяческая, № 39

Д 206
456

ОБЪ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНѢ

1812 г.

Съ рисунками.

(Разсказъ старика финляндца).

ВКЛЮЧЕНО ВЪ КАТАЛОГИ ДЛЯ НИЗШИХЪ УЧИЛИЩЪ И НАРОДНЫХЪ ЧИТАЛЕНЪ.

ИЗДАНІЕ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА
„ДОСУГЪ и ДѢЛО.“

ПУБЛИЧ. БИБЛІОТ.

Цѣна 15 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная польза“, В. Подъяч., № 39.
1900.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12 Декабря 1899 г.

2007111382

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
1812 г.

(Разсказъ старика-Финляндца.)

Кто изъ васъ не знаетъ, что такое 1812 годъ? Говорили ли вамъ конечно не одинъ разъ о нашествіи французовъ, Бородинской битвѣ, сожженіи Москвы и другихъ происшествіяхъ этого памятнаго времени?... Послушайте же меня, старика, и, можетъ быть, разсказъ мой не покажется вамъ скучнымъ. Хочу передать вамъ то, что самъ я испыталъ въ этомъ году, гдѣ бывалъ, что видѣлъ и слышалъ. Разскажу вамъ сначала, какъ и изъ-за чего загорѣлась эта война, а потомъ уже какъ мы сражались съ Наполеономъ и какъ выгнали многочисленныхъ враговъ изъ нашего дорогаго отечества.

Наполеонъ былъ сынъ дворянина съ острова Корсики, принадлежащаго Франціи. Въ 1785 году Наполеонъ вступилъ въ войско. На шестомъ году службы онъ уже пріобрѣлъ себѣ громкую извѣстность множествомъ одержанныхъ побѣдъ. Отличаясь постоянно на поляхъ битвъ, Наполеонъ неоднократно разбивалъ итальянцевъ, австрійцевъ, турокъ, пруссаковъ и саксонцевъ, совершилъ славный походъ въ Египетъ, взялъ тамъ городъ

Александрію и, по возвращеніи своемъ во Францію, былъ сдѣланъ первымъ консуломъ, т. е., иначе говоря, главнымъ правителемъ Франціи на 10 лѣтъ. Въ новомъ этомъ званіи Наполеонъ также отличился своимъ умомъ; въ 1802 году онъ издалъ новые законы и, пріобрѣтя всеобщее уваженіе, въ томъ же году былъ сдѣланъ пожизненнымъ консуломъ, а спустя два года, т. е. въ 1804 году, провозглашенъ императоромъ Франціи. Уже въ это время Наполеонъ былъ могущественнымъ государемъ. Онъ сдѣлалъ своихъ братьевъ королями: Іосифа—Испанскимъ, Людовика — Голландскимъ, Іеронима—Вестфальскимъ и зятя своего Мюрата—Неаполитанскимъ, и роздалъ многія другія небольшія государства своимъ роднымъ и близкимъ. Подчинивъ своей власти большую часть европейскихъ государствъ, Наполеонъ хотѣлъ въ 1807 году завоевать и Пруссію.

Пруссія въ то время была небольшимъ и несильнымъ государствомъ и, потому, одна не могла устоять противъ Наполеона. Императоръ Александръ I, видя слабость этого государства, заступился за Прусскаго короля, что и было причиною непродолжительной войны съ Наполеономъ, окончившейся въ томъ же 1807 году. Я тогда уже служилъ и былъ въ этомъ заграничномъ походѣ; помню, что для заключенія мира, подписаннаго за день до Петрова дня, оба императора—нашъ Александръ I и Французскій—Наполеонъ I — съѣхались въ прусскомъ городкѣ Тильзитѣ, гдѣ и пробыли довольно долгое время. Вотъ тутъ-то они познакомились, сошлись и даже, какъ говорили тогда, будто бы подружились. Никогда не забуду, какъ часто намъ приходилось видѣть ихъ обоихъ вмѣстѣ; намъ тогда казалось, что лучшихъ друзей и на свѣтѣ не сыскать, да оно, пожалуй, въ ту пору дѣйствительно такъ и было. Никому изъ насъ и въ голову не приходило, чтобы эти два человѣка, отъ которыхъ зависѣло все, могли такъ скоро, чрезъ какихъ нибудь

три-четыре года, не только охладѣть другъ къ другу, но, сдѣлавшись врагами, вести ожесточенную войну.

Прошло немного болѣе года послѣ Тильзитскаго мира. Государи съѣхались еще разъ, чтобы повидаться и переговорить другъ съ другомъ о дѣлахъ. Съѣхались они на этотъ разъ въ нѣмецкомъ городкѣ Эрфуртѣ. Но тутъ уже было не то, что въ Тильзитѣ: не было прежнихъ искреннихъ чувствъ. Прошло со времени свиданія въ Эрфуртѣ не болѣе года, а императоры не только не были друзьями, но уже замышляли о войнѣ. Не думайте, чтобы императоръ Александръ I самъ началъ войну или хотѣлъ какихъ нибудь завоеваній: онъ только старался возстановить миръ въ Европѣ и защитить другія государства отъ Наполеона, который хотѣлъ подчинить ихъ Франціи. Въ 1809 году Наполеонъ воевалъ съ Австріею. Нашъ государь, убѣдившись, что война эта можетъ сдѣлаться продолжительною и слишкомъ кровопролитною, содѣйствовалъ къ ея прекращенію и заключенію мира. Обѣ воевавшія стороны въ вознагражденіе за это предоставили императору Александру небольшой участокъ Галиціи съ городомъ Броды — единственнымъ сколько нибудь значащимъ торговымъ пунктомъ, безъ котораго весь этотъ участокъ, говоря попросту, ничего не стоилъ.

Наполеонъ заявилъ, чтобы Броды исключены были изъ этого участка. Это, разумѣется, поселило неудовольствіе въ нашемъ государѣ, увеличившееся еще вотъ по какому случаю. Королевство Польское, составлявшее прежде отдѣльное и самостоятельное государство, въ 1795 году было раздѣлено между Россіею, Пруссіею и Австріею. Настоявъ въ 1807 году на образованіи изъ части прежняго королевства герцогства Варшавскаго, Наполеонъ требовалъ увеличенія его; между тѣмъ, это могло поселить несбыточныя надежды въ полякахъ, а слѣдовательно быть причиною постоянныхъ безпорядковъ. Несмотря

на это, императоръ Александръ I исполнилъ и на этотъ разъ, хотя, впрочемъ, очень неохотно, желаніе Наполеона.

Въ то время изъ всѣхъ европейскихъ государствъ только Россія и Англія не зависѣли отъ Наполеона и не хотѣли ему подчиниться. Это очень не нравилось Наполеону, и потому онъ хотѣлъ повредить, насколько можно, Англіи и покорить во что бы то ни стало Россію. Не удовольствовавшись всѣми уступками, которыя сдѣлалъ нашъ государь, Наполеонъ требовалъ, чтобы Россія, какъ и всѣ прочія государства Европы, не вела никакой торговли съ Англіею. Хотя императоръ Александръ и сознавалъ, что это убыточно для Россіи, но, стараясь сохранить миръ, исполнилъ нѣкоторыя изъ требованій Наполеона, который все-таки остался недоволенъ. Окончательнымъ же поводомъ къ разрыву былъ захватъ Наполеономъ, безъ всякихъ причинъ, владѣній герцога Ольденбургскаго и присоединеніе ихъ самовластно къ Франціи. Герцогъ Ольденбургскій былъ дядя нашего государя; какъ же могъ не заступиться за него императоръ Александръ I, да наконецъ и самая справедливость того требовала.

Прошелъ 1811 годъ. Начали всѣ замѣчать, что дѣло неладно и идетъ къ войнѣ. Смотримъ—тамъ увеличили составъ, въ другомъ мѣстѣ сформировали новые полки и баталіоны. Дошелъ и до насъ чередъ. Служилъ я тогда лейбъ-гвардіи въ Финляндскомъ баталіонѣ (прежде онъ назывался императорскимъ баталіономъ милиціи). Помню какъ теперь, что осенью этого года, въ концѣ ноября, къ нашему баталіону присоединили два баталіона изъ 1-го и 2-го морскихъ полковъ и составили такимъ образомъ лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ. Отпраздновали мы свой первый полковой праздникъ 12 декабря — день св. Спиридонія и рожденія государя Александра Павловича, да и начали не на шутку собираться въ походъ, а 2 марта 1812 года выступили изъ Петербурга.

Зима этого года была суровая и очень снѣжная. Вотъ почему, несмотря на то, что почти всѣ люди нашего полка были опытны и привычны къ походамъ, мы на первыхъ же переходахъ отстали отъ маршрута такъ, что на третій день послѣ выступленія намъ дали, вмѣсто дневки, отдыхъ на два дня.

Въ походѣ жилось намъ весело, и хотя подчасъ и думалось, что, можетъ быть, никто изъ насъ не вернется, но мысли эти не долго засиживались въ нашихъ головахъ: солдаты пѣли пѣсни и, другъ друга поддерживая, брали примѣръ съ нашихъ добрыхъ и славныхъ офицеровъ, на лицахъ которыхъ были видны веселье, полная беззаботность и неутомимость; смотря на нихъ, душа радовалась.

Помню, что въ самыхъ послѣднихъ числахъ мая мѣсяца мы дошли до города Вильны.

Дорогой, мы останавливались на цѣлый мѣсяцъ недалеко отъ Динабурга, около мѣстечка Михалишекъ. Стоянка здѣсь была очень плоха, въ особенности для лошадей: сѣна ни за какія деньги нельзя было достать, овса также, такъ что ихъ кормили соломою съ крышъ, да и той, впрочемъ, скоро не стало. Въ Вильнѣ мы нѣсколько свободнѣе вздохнули. Императоръ нашъ былъ уже тамъ. Онъ производилъ часто маневры и смотры войскамъ, и всякій разъ благодарилъ нашъ славный полкъ, а мы всѣ, отъ послѣдняго рядоваго до самаго старшаго генерала, боготворя нашего добраго государя, все болѣе и болѣе укрѣплялись въ желаніи и полной готовности отстоять нашу матушку-Русь, пролить, если понадобится, кровь нашу за вѣру и отечество и тѣмъ заслужить царское спасибо. Мы всѣ съ нетерпѣніемъ ждали встрѣчи съ непріятелемъ, хорошо сознавая, что не мы начали войну, что намъ приходится отбиваться, защищать свою родину, свои семьи отъ ужаснаго нашествія.

Черезъ день послѣ праздника Исаакія Далматскаго, именно 1-го іюня, мы пошли отъ Вильны назадъ, къ городу Свенцянамъ.

Намъ тогда говорили, что мы отступали къ городу Свенцянамъ, чтобы соединиться съ другими войсками и драться съ французами, перешедшими будто бы уже нашу границу; но тутъ мы простояли безъ дѣла цѣлую недѣлю. Стоянка эта показалась намъ очень скучною, тѣмъ болѣе-что начали говорить, что мы опять будемъ отступать. Здѣсь впервые мы испытывали недостатокъ въ продовольствіи, а въ послѣдній день нашего пребыванія въ Свенцянахъ намъ негдѣ было даже достать съѣстныхъ припасовъ, такъ-что, помню, мы ходили на фуражировку въ сосѣднія деревни и привели 31 штуку рогатаго скота 12 свиней и принесли 54 гарнца водки.

Изъ Свенцянъ мы отступали далѣе. Въ самый Петровъ день, т. е. 29 іюня, мы были уже въ Дрисскомъ лагерѣ, а спустя три дня шли черезъ Полоцкъ къ Витебску, оставивъ для прикрытія пути на Петербургъ 1-й пѣхотный корпусъ графа Витгенштейна. Никто изъ насъ понять не могъ, отчего насъ не допускаютъ сразиться съ Наполеономъ, отчего мы безъ боя, безъ всякаго сопротивленія, сдаемъ города и села на разграбленіе хищникамъ, а святыя церкви—на поруганіе. Подобно намъ, отступали и прочія наши войска. Въ дѣйствительности же французы вступили въ предѣлы Россіи въ ночь съ 12 на 13 іюня. Государь былъ тогда въ Вильнѣ, на балу у генерала Бенигсена, и, когда ему доложили о переходѣ непріятеля черезъ русскую границу, императоръ Александръ I удалился съ бала и, проведя всю ночь въ работѣ, приказалъ главной части войскъ, подъ командою Барклая-де-Толли, отступать на Витебскъ, а другой, подъ начальствомъ Багратіона, отступая на Могилевъ, дѣйствовать на непріятеля съ-боку.

Свиданіе Императоровъ въ Тильзитѣ.

Никогда я не забуду послѣднихъ словъ прочитаннаго намъ манифеста о началѣ войны. Государь, объясняя въ немъ причины вражды Наполеона и неуспѣшность всѣхъ миролюбивыхъ мѣръ отклонить войну, сказалъ: «Воины! Вы защищаете вѣру,

Барклай де-Толли.

отечество, свободу. Я съ вами. На начинающаго Богъ». Эти слова памятны всякому, кто ихъ тогда слышалъ.

Я еще не сказалъ, что всѣ русскія войска составляли три арміи: 1-я была подъ начальствомъ тогдашняго военнаго мини-

стра, генерала-отъ-инфантеріи Барклая-де-Толли, и состояла изъ 110 тысячъ человѣкъ. 2-я армія, бывшая подъ начальствомъ генерала-отъ-инфантеріи князя Багратіона, насчитывалъ у себя 37 тысячъ 3-я армія—генерала-отъ-кавалеріи Тормасова—считала въ своихъ рядахъ 46,000 человѣкъ. Всего-же было у насъ на западныхъ границахъ, считая, кромѣ вышеупомянутыхъ и рекрутъ, съ небольшимъ 200,000.

Непріятельская же армія, пришедшая въ Россію, насчитывала у себя слишкомъ 600,000 человѣкъ. Сличивши эти цыфры и припомнивши, что съ Наполеономъ, какъ отличнымъ полководцемъ, надо было быть очень осторожнымъ, нельзя не одобрить образа дѣйствій нашихъ войскъ, главною цѣлію которыхъ при отступленіи было желаніе ослабить по возможности непріятеля.

Узнавъ, что русскія войска, раздѣлившись, отступали на Витебскъ и Могилевъ, Наполеонъ хотѣлъ не позволить имъ соединиться и думалъ разбить ихъ по частямъ. Разгадавъ эти намѣренія непріятеля, наши арміи спѣшили соединиться у Смоленска, что имъ и удалось 22-го іюля.

Въ Ольгинъ день, т. е. 11 іюля, мы были въ Витебскѣ, при которомъ въ слѣдующіе три дня происходили стычки; но въ нихъ мы участія не принимали. Простоявъ здѣсь четыре дня, мы снова продолжали отступать къ Смоленску. Никогда не забуду этого отступленія. Всѣ думали, что французы насъ опередили и закрыли дорогу къ Смоленску, и потому нашему полку, гвардейскимъ егерямъ, кавалергардскому и нѣкоторымъ другимъ, составившимъ летучій отрядъ, приказано было во что бы то ни стало очистить дорогу къ Смоленску. Мы были счастливы, получивъ это назначеніе, и летѣли просто вихремъ. Мы почти не отставали отъ кавалеріи и, простоявъ на отдыхѣ три, много четыре часа и сварившіи кашу, безъ всякаго отдыха

опять подымались въ походъ. Жаръ былъ тогда нестерпимый; но, несмотря на это и на нашу усталость, мы не болѣе какъ въ 38 часовъ прошли около 75 верстъ. Желаніе сразиться и встрѣтить непріятеля подбодряло насъ, но до самого Смоленска мы его нигдѣ не видѣли.

Прійдя къ Смоленску, мы готовились къ битвѣ. Вездѣ только и слышалось: «Ну, вотъ, наконецъ, подеремся; вотъ, нако-

Генералъ Тормасовъ.

нецъ, попробуемъ наши силы»; но и тутъ не довелось намъ, Финляндцамъ, помѣриться съ непріятелемъ и отмстить ему за разграбленныя имъ села. Другіе полки были счастливѣе, мы же весь день стояли за городомъ, верстахъ въ 3-хъ или 4-хъ отъ крайнихъ домовъ Петербургскаго предмѣстья. До полудня перестрѣлка производилась слабая—французы думали, что русскіе дадутъ тутъ большое сраженіе, и потому какъ будто только вы-

манивали нашихъ въ поле. Всѣ хотѣли этой битвы, всѣ рвались на нее, но нашъ главнокомандующій, Барклай-де Толли, какъ человѣкъ очень осторожный, хотя и далъ возможность нашимъ сразиться и отстоять городъ, но, не будучи увѣренъ въ побѣдѣ, велѣлъ отступать.

Помню, что, стоя за городомъ, прислушавшись уже къ небольшой перестрѣлкѣ и не обращая на нее особеннаго вниманія, видимъ—взвилась ракета, за нею другая, третья, а потомъ поднялся такой грохотъ, что земля подъ нами задрожала.—Оказалось, что французы, узнавши, что наши отступаютъ, начали бомбардировать Смоленскъ. Мы едва стояли на мѣстѣ,—такъ и рвались въ городъ. Сраженіе продолжалось до вечера. Во все время этого послѣобѣденнаго боя Смоленскъ представлялъ ужасное зрѣлище: весь городъ горѣлъ, а при тихой погодѣ пламя подымалось высокими столбами, надъ которыми клубились огромныя тучи дыма. Отступавшія войска еще усиливали пожаръ, поджигая все, что, уцѣлѣвъ, могло попасть въ руки непріятеля. Жители думали, что Смоленскъ ихъ уцѣлѣетъ и не попадетъ въ руки французамъ, и потому сначала сидѣли спокойно, насколько это можно было, въ своихъ домахъ; но когда все запылало, когда страшное множество непріятельскихъ ядеръ, бомбъ и гранатъ, брошенное въ городъ, производило на ихъ глазахъ ужасы,—смоляне пришли въ отчаяніе. Многіе бѣжали, сами не зная куда. Всѣ церкви были переполнены молящимися во время всенощнаго бдѣнія: это былъ канунъ праздника Преображенія Господня.

Когда велѣно было отступать, нашъ главнокомандующій взялъ чудотворную икону Смоленской Божіей Матери и поручилъ ее 3-й пѣхотной дивизіи. Эта-то икона охраняла насъ, русскихъ, все время; предъ нею-то горячо мы всѣ молились наканунѣ славной Бородинской битвы и приносили благодарствен-

ныя молебствія послѣ одерживаемыхъ нами побѣдъ. Въ этотъ день, въ полночь, подъ праздникъ Преображенія, мы отошли отъ Смоленска верстъ на 10 и стали на позиціи. Самый праздникъ прошелъ спокойно. Все утро не было конца разсказамъ про защиту Смоленска, славное отступленіе генерала Раевскаго и подвиги другихъ лицъ, про пожаръ и его ужасы. Все это поджигало въ насъ желаніе помѣриться съ французами, защитить наши святыни, наши семьи, нашу матушку-Русь. Представьте же наше горе, когда, тотчасъ послѣ обѣда, начали поговаривать, что мы опять отступаемъ, что идемъ на Москву. Не хотѣлось какъ-то этому вѣрить; но не прошло и нѣсколькихъ часовъ, какъ мы поднялись, а въ 7 часовъ вечера уже выступили на Московскую дорогу. Вотъ тогда поднялся почти всеобщій ропотъ; на всѣхъ лицахъ видно было одно уныніе; то тамъ, то сямъ слышались возгласы, еще болѣе раздиравшіе душу: «Вотъ еще сдадимъ русскій городъ бусурманамъ; вотъ еще уступимъ безъ боя кусокъ нашей земли». Офицеры наши молчали; нѣкоторые изъ нихъ шли, повѣся головы, а другіе тоже промежъ себя говорили и унимали роптавшихъ солдатъ. Я забылъ вамъ сказать,—да, впрочемъ, вѣроятно, вы сами слышали,—что вездѣ, гдѣ французы проходили, все уничтожалось ими, какъ саранчею. Въ церквахъ они ставили лошадей, со святыхъ иконъ обдирали дорогія ризы, а образа бросали на землю, церковную утварь ломали и уносили. Желаніе и страсть легкой наживы дѣлали въ глазахъ ихъ все возможнымъ; для нихъ ничего не было святаго. Грабя до-послѣдка, они жгли села и не щадили ни стараго, ни малаго.

Все это доходило до насъ, разумѣется, иногда въ преувеличенныхъ толкахъ и еще болѣе разжигало нашу вражду къ французамъ. Солдаты расходились дотого, что сами жгли и уничтожали все, что можно было, лишь бы только оно не

попало въ руки непріятеля; впрочемъ, даже офицеры показывали къ тому примѣръ. У насъ былъ въ полку подпоручикъ Константинъ Семеновичъ Веселовскій. Онъ былъ помѣщикомъ Смоленской губерніи, и имѣніе его было невдалекѣ отъ города. Помню, что, проходя черезъ это имѣніе, поручикъ Веселовскій сказалъ солдатамъ: «Берите, ребята, скорѣе все, что мнѣ принадлежитъ, чтобы не досталось непріятелю, да и дома-то не оставляйте». Мало тутъ поживились наши солдаты, а какъ тронулись, такъ домъ нашего славнаго Константина Семеновича, родное его пепелище, охватило пламенемъ, и долго еще мы оглядывались, со злостью любуясь, какъ пламя все уничтожало.

Такъ дошли мы до Днѣпра, переправились у деревни Соловьевой и, отступая черезъ Дорогобужъ, Вязьму, Царево-Займище и Гжатскъ, подошли наконецъ къ Бородину. Въ Царево-Займище къ намъ пріѣхалъ новый главнокомандующій надъ всѣми арміями, князь Кутузовъ. До сихъ поръ каждая армія имѣла своего особаго начальника, и всѣ они должны были дѣйствовать очень согласно: иначе это могло имѣть гибельныя послѣдствія.

Нашею армію командовалъ, какъ я уже сказалъ вамъ, князь Барклай-де-Толли, а 2-ою, которая соединилась съ нами въ Смоленскѣ, главнокомандующимъ былъ Багратіонъ. Когда наши арміи соединились въ Смоленскѣ, Багратіонъ самъ подчинился Барклаю; но тутъ же и начались между ними неудовольствія. Впрочемъ, они какъ-то, говорятъ, и прежде не ладили между собою. Багратіонъ, будучи болѣе рѣшительнымъ, хотѣлъ во что бы то ни стало сразиться съ французами, остановить ихъ наступленіе и дать имъ большое сраженіе при Смоленскѣ, а нашъ главнокомандующій, какъ человѣкъ болѣе осторожный, желалъ сберечь армію и выждать, когда непріятель

ослабѣетъ, и потому противился рѣшительному сраженію. По его-то приказанію, наши войска оставили Смоленскъ, несмотря

Князь Багратіонъ.

на то, что всѣ военные начальники, говорятъ, хотѣли продолжать сраженіе. Всѣ эти неудовольствія дошли въ Петербургъ, до Государя, который и назначилъ, для прекращенія этихъ не-

дорузумѣній, главнокомандующимъ надъ всѣми арміями князя Кутузова.

Не веселъ былъ нашъ путь послѣ отступленія отъ Смоленска. Всѣ шли уныло; не слышно было ни пѣсенъ, ни солдатскихъ шутокъ. Бывали, впрочемъ, и забавныя исторіи, которыя подчасъ выводили насъ изъ этого состоянія. Тогда мы много смѣялись и хоть навремя забывали наше общее горе. Одинъ изъ такихъ случаевъ я вамъ разскажу.

Въ числѣ офицерской прислуги нашего полка былъ латышъ Карлъ, крѣпостной человѣкъ поручика Шеннинга. Карлъ былъ молодой парень и слылъ за сметливаго и честнаго человѣка, преданнаго своему господину. Разъ какъ-то Карлъ съ прочими поѣхалъ на фуражировку и не воротился къ полку. Прошелъ день-другой, недѣля, а Карла нѣтъ какъ нѣтъ. Всѣ считали его уже пропавшимъ или убитымъ. Прошло двѣ недѣли. Помню, мы стояли на бивуакѣ. Прямо предъ нами проходила дорога къ сторонѣ непріятеля. Я не спалъ, готовясь встать; это было на зарѣ.

Лежу я, прикрывшись шинелью, лицомъ въ поле, и вижу, что что-то двигается къ намъ. Я приподнялся. Смотрю, коляска четверней катитъ прямо на нашъ баталіонъ, сзади лошадь осѣдланная скачетъ. Лошади все отличныя. Въ коляскѣ никого нѣтъ, а на козлахъ сидитъ какой-то французъ, судя по платью. Я крикнулъ нѣсколькимъ неспавшимъ товарищамъ. Мы повскакивали и—впередъ. Коляска остановилась предъ самымъ баталіономъ; смотримъ и глазамъ своимъ не вѣримъ. «Да, никакъ это Карлъ»!—крикнуло нѣсколько изъ нашихъ. А онъ сидитъ и смѣется, а потомъ спрашиваетъ: «Гдѣ, ранята, мой паринъ?» Мы всѣ бросились къ нему; разспросамъ не было конца. Не отвѣчая на наши вопросы, онъ побѣжалъ къ поручику Шеннингу, а лошадей остались мы беречь. Вернувшись, онъ намъ разсказалъ слѣ-

дующее: «Французы взяли меня въ плѣнъ при фуражировкѣ, отняли у меня лошадь и обобрали кругомъ. Замѣтя, что я говорю по-нѣмецки, привели меня къ своему генералу; онъ началъ меня разспрашивать, чѣмъ я занимался и что умѣю дѣлать; потомъ велѣлъ одѣть и оставилъ у себя—видно, я ему понравился. Находясь при генералѣ, я готовилъ кушанье, одѣвалъ его и возилъ въ экипажѣ. Такъ прожилъ я двѣ недѣли. Прошедшую ночь, какъ я раздѣвалъ моего генерала, онъ приказалъ мнѣ пораньше приготовить лошадей и отправиться съ нимъ впередъ. Я съ точностью исполнилъ приказаніе. На разсвѣтѣ запрегъ и осѣдлалъ лошадей, и когда всѣ еще спали—тронулся изъ лагеря. Во французской цѣпи меня окликнули,—я отозвался именемъ генерала; а когда подъѣхалъ къ нашему арріергарду,—казаки окружили меня и спрашивали: откуда я, и кто я такой. Я объявилъ, что принадлежу л.-гв. Финляндскаго полка поручику Шепингу; тогда меня отпустили и провели до полка. Вотъ теперь я и съ вами». Много мы потѣшались, а Шепингу даровая добыча.

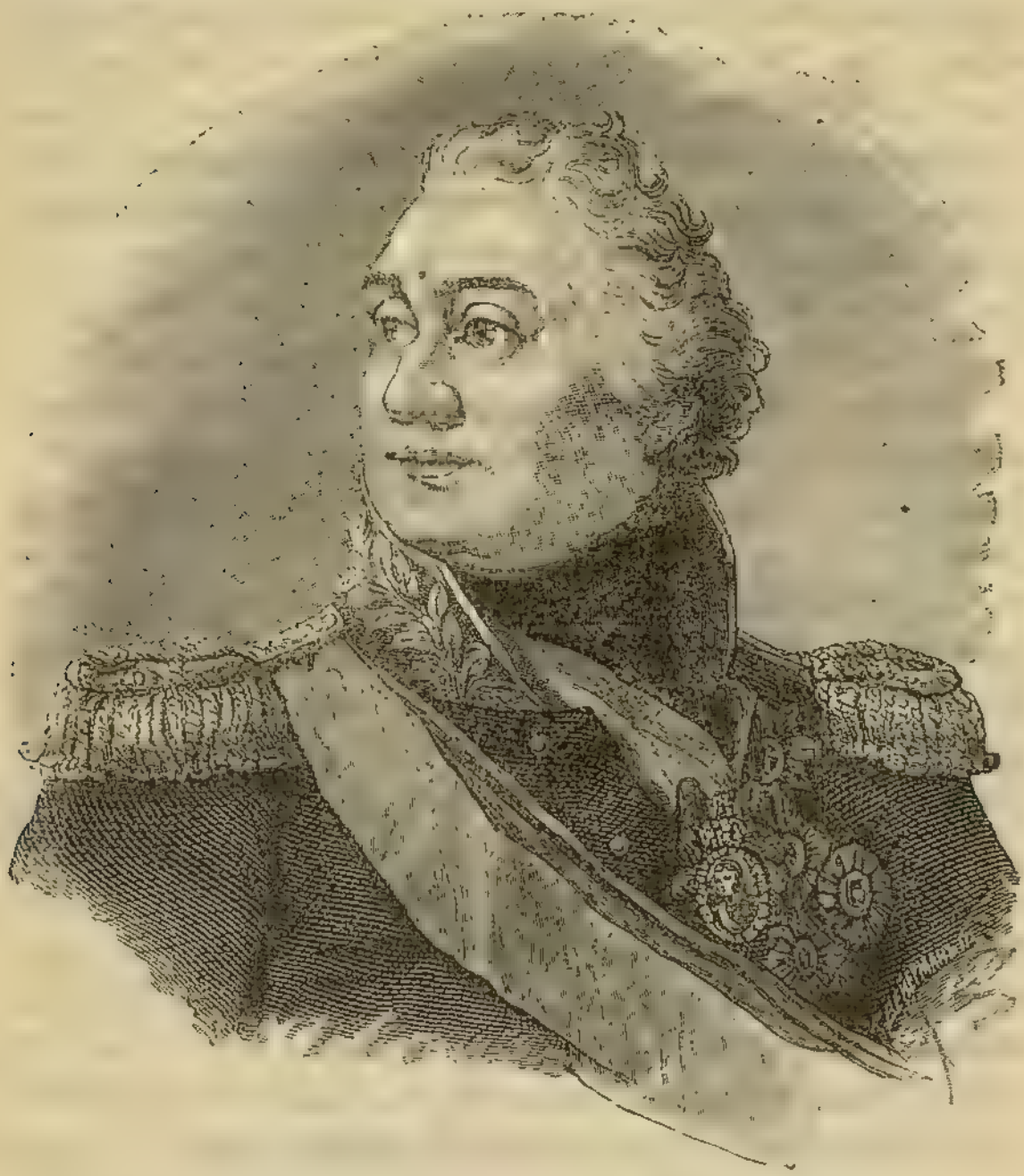
Я вамъ сказалъ, друзья мои, что къ намъ прибылъ въ Царево-Займище князь Кутузовъ. Наши главнокомандующіе, Барклай-де-Толли и Багратіонъ, оставались въ своихъ должностяхъ, а Кутузовъ былъ поставленъ какъ надъ ними, такъ и надъ начальниками другихъ армій старшимъ; словомъ, всѣ русскія войска ему подчинялись.

Мы стояли лагеремъ впереди деревни Царево-Займище на большомъ полѣ. Главная квартира была въ городѣ Гжатскѣ, верстахъ въ 20 отъ насъ. Была суббота; мы съ утра знали, что въ тотъ день долженъ былъ прибыть къ намъ Кутузовъ. И дѣйствительно, послѣ обѣда, часа въ 3 пополудни, онъ объѣзжалъ лагерь. Ѣхалъ онъ медленно, верхомъ, одѣтый въ сюртукъ безъ эполетъ и безъ погонъ (тогда ихъ у офицеровъ вовсе

не было), въ бѣлой шапкѣ съ краснымъ околышемъ. Черезъ одно плечо у него надѣтъ былъ шарфъ, а черезъ другое—нагайка на ремнѣ. Встрѣчали мы его какъ спасителя нашего:—военные подвиги сдѣлали его имя давно всѣмъ извѣстнымъ. Дружное «ура»! не умолкало. Видъ этого почтеннаго старца и его спокойствіе поселяли въ насъ увѣренность и возвратили намъ надежду на успѣхъ; мы невольно ободрились и подтянулись. Во многихъ мѣстахъ слышно было: «Пріѣхалъ Кутузовъ бить французовъ». Разсказывали тогда же за вѣрное, что, какъ только Кутузовъ подъѣхалъ къ лагерю,—надъ головою его взлетѣлъ орелъ и парилъ надъ нимъ все время объѣзда. Это еще болѣе подѣйствовало на духъ войскъ. Все зашевелилось. Кутузовъ велѣлъ ускорить укрѣпленіе позиціи, на которой мы стояли. По всему видно было, что мы будемъ защищаться *). Слѣдующій день былъ воскресенье, и мы спокойно простояли, готовясь сокрушить врага и дать ему, наконецъ, хорошій отпоръ. Вдругъ, въ понедѣльникъ, приказано было отступать. Это всѣхъ насъ поразило, но мы не унывали. Отступая, мы уничтожали хлѣбъ на корню, жгли дома, крестьяне сами уходили, такъ-что верстъ на 15 по обѣ стороны дороги, по которой мы отступали, все было сожжено, вездѣ было пусто; для добыванія какихъ нибудь припасовъ Французы должны были отправляться далеко въ сторону, но и тамъ ничего не находили. Мы хорошо видѣли,

*) Въ этотъ день получены были чрезъ кого-то извѣстія отъ графа Витгенштейна, оставленнаго на рѣкѣ Двинѣ. Разсказывали про славное дѣло нашихъ при Клястицахъ, въ которомъ французы были разбиты; про дѣло подъ Полоцкомъ, въ которомъ былъ сильно раненъ французскій маршалъ Удино, и про славную смерть генерала Кульнева, этого общаго любимца солдатъ. Еще болѣе важныя вѣсти были изъ 3-й арміи генерала Тормасова, который въ дѣлѣ при Кобринѣ взялъ, какъ говорили, въ плѣнъ цѣлый отрядъ саксонцевъ въ числѣ почти $2^1/_2$ тысячъ. Эти разсказы ободряли насъ, и мы только объ одномъ жалѣли,—что на нашу долю ничего подобнаго не выпадало.

что французы слабѣютъ, а преслѣдуя насъ и двигаясь по опустошенной нами мѣстности,—теряютъ много войска. Это было



Фельдмаршалъ, князь Кутузовъ-Смоленскій.

намъ паруку—силы наши все увеличивались, къ намъ подоспѣвали новые полки, резервы, ополченія.

Говоря объ ополченіи, не могу умолчать о тѣхъ пожер-

твованіяхъ, которыя были сдѣланы въ 1812 году по призыву нашего обожаемаго царя. Всякій другъ передъ другомъ старался приносить, что могъ, на общую пользу, на спасеніе отечества. Одна Тверская губернія снарядила пять полковъ, въ числѣ болѣе 13,000 человѣкъ, одѣла ихъ, вооружила, снабдила провіантомъ и собрала 2 милліона денегъ. Пожертвованія же всѣхъ губерній простирались до 320,000 человѣкъ вооруженныхъ воиновъ и болѣе ста милліоновъ рублей деньгами. Кромѣ того, поставлено было множество рогатаго скота, хлѣба, повозокъ съ лошадьми и погонщиками для надобностей войскъ.

Двигаясь дальше, мы пришли къ селу Бородину и расположились на позиціи въ колоннахъ, позади селенія Князьково. Слѣдующіе два дня прошли для насъ спокойно. Въ передовыхъ нашихъ частяхъ или, правильнѣе сказать, въ арріергардѣ, — мы вѣдь отступали, — бывали стычки, кончавшіяся равными потерями съ обѣихъ сторонъ. Чтобы вы могли себѣ представить поле битвы, я вамъ постараюсь въ нѣсколькихъ словахъ описать мѣстность. Село Бородино лежитъ на рѣчкѣ Колочѣ, впадающей въ Москву-рѣку; за Колочею и была наша позиція, такъ-что рѣчка эта текла почти вдоль фронта. Правый флангъ нашей позиціи почти примыкалъ къ Москвѣ-рѣкѣ, такъ-что былъ безопасенъ, а лѣвый былъ открытъ; тутъ шла по направленію къ намъ старая Смоленская дорога, по которой насъ могли обойти. Отъ праваго фланга позиціи до лѣваго было около 7-ми верстъ. Наша сторона за рѣкою Колочею была почти вездѣ выше противуположной, на которой находилось селеніе Бородино.

На правомъ флангѣ была деревня Горки, въ серединѣ — Бородино, Семеновское, Шевардино, а на лѣвомъ флангѣ по Смоленской дорогѣ—Утица. Сзади, почти за серединою позиціи, было селеніе Князьково. Мы стояли въ резервѣ. Отъ насъ текло нѣсколько рѣчекъ въ Колочу; но, по причинѣ сильныхъ жа-

ровъ, онѣ всѣ почти повысохли, да и въ самой Колочѣ немного было воды, такъ-что не вода этихъ рѣчекъ, а берега и обрывы, по которымъ онѣ текли, могли нѣсколько затруднить движеніе войскъ.

Впереди деревни Бородино (значитъ, на той сторонѣ рѣки Колочи) построено было на полѣ нѣсколько укрѣпленій. Подобныя же укрѣпленія были построены у Шевардина и у Семеновскаго, а самое большое—въ серединѣ позиціи, правѣе Семеновскаго. 24 августа происходили дѣла впереди Бородина, и укрѣпленіе, тамъ построенное, переходило изъ рукъ въ руки и наконецъ было оставлено нашими войсками.

25-ое число приходилось въ воскресенье — день праздничный. Наши арміи, сознавая святость этого дня, провели его спокойно, готовясь къ чему-то очень серьезному. У насъ насыпались укрѣпленія. Стычекъ нигдѣ не было. День былъ холодный, сырой, а костры что-то вяло разводились. Нашъ «Свѣтлѣйшій» (такъ мы всѣ называли князя Кутузова) велѣлъ пронести вдоль линіи войскъ чудотворную икону Смоленской Божіей Матери, которую войско встрѣчало въ стройныхъ рядахъ. Видъ былъ торжественный, трогательный. Духовенство шло въ богатыхъ ризахъ, повременамъ останавливаясь и совершая молебствіе; кадила дымились, свѣчи теплились, святая икона медленно шествовала, тысячи благочестивыхъ воиновъ падали на колѣни, творя крестное знаменіе и усердно молясь. Во весь день не было слышно ни пѣсенъ, ни шума, ни шутокъ, обычныхъ у бивуачныхъ огней; всѣ сознавали торжественность дня, а когда квартирьеры призывали къ чаркѣ водки, многіе отвѣчали: «Не къ тому готовимся, не такой завтра день».

Не такъ вели себя французы: тамъ шумъ, веселье, пѣсни и крики—все доказывало полную самонадѣянность и увѣренность, что вотъ еще немного времени — и всѣ ихъ лишенія и

недостатки будутъ вознаграждены богатыми добычами и выгоднымъ миромъ. У насъ все молилось, уповая на милость Божію, на заступничество нашей Покровительницы, икону которой носили по рядамъ, а у французовъ не было во всей арміи ни одного священника. Вотъ за эти-то самонадѣянность и безвѣріе они были наказаны десницею Божіею.

На разсвѣтѣ было холодно, но ясно; солнце взошло въ полномъ блескѣ и величіи; на душѣ стало веселѣе. Этотъ восходъ памятенъ каждому изъ насъ, и для многихъ онъ былъ послѣднимъ: солнце будто нарочно не закрывалось, свѣтило цѣлый день, чтобы со многими навѣки распрощаться.

Съ разсвѣтомъ началась пальба. Въ 6 часовъ утра насъ — Финлянцевъ, Преображенцевъ и Семеновцевъ — подвинули къ деревнѣ Семеновской, гдѣ и стали въ резервѣ въ колоннахъ къ атакѣ за первою линіей, попавъ въ самый сильный огонь, изъ котораго мы уже не выходили до самаго конца битвы, т. е. въ теченіи цѣлыхъ 14 часовъ.

Непріятель не жалѣлъ ни пуль, ни картечи. Ядра сыпались около насъ, а нѣкоторыя попадали въ ряды. Помню какъ теперь, стоимъ мы въ колоннахъ; кругомъ пальба, грохотъ страшный, дымъ, среди котораго только и видны были частые огоньки — признаки выстрѣла, да темно-красное, круглое, какъ шаръ,—солнце. Земля дрожала и, кажется, будто стонала у насъ подъ ногами, а крики и стоны раненыхъ еще болѣе раздирали душу и возбуждали страсти. Не успѣли мы осмотрѣться на новомъ мѣстѣ, какъ ядромъ оторвало ногу сначала князю Шаховскому, а потомъ подпоручику Саковнину. Поручика Великопольскаго и стоявшаго въ знаменныхъ рядахъ юнкера Иванова убило на мѣстѣ, а потомъ и пошла потѣха, и въ глазахъ у насъ такъ и зарябило отъ раненыхъ и убитыхъ. Прошло не болѣе какихъ-нибудь десяти минутъ, упалъ прапорщикъ Крек-

шинъ. Къ нему подбѣжало нѣсколько человѣкъ, а онъ лежитъ блѣдный весь и не дышетъ, но никакой раны не видно. Мы всѣ почитали его мертвымъ, и очень сожалѣли. Невдалекѣ отъ этого мѣста случился, по счастью, крѣпостной человѣкъ Крекшина. Услышавъ о смерти своего господина, онъ бросился къ нему и, не желая вѣрить, чтобы баринъ его былъ мертвъ, расплакался какъ ребенокъ, взвалилъ прапорщика Крекшина на вьючную свою лошадь и повезъ его на перевязочный пунктъ. Здѣсь, увѣря докторовъ, что баринъ его живъ, онъ заставилъ своими слезами обратить вниманіе одного изъ медиковъ на прапорщика Крекшина, которой, послѣ медицинскаго пособія, къ великой радости всѣхъ насъ, очнулся. Добрый и преданный слуга бросился обнимать своего барина, который, недолго пробывъ на перевязочномъ пунктѣ и оправившись, вернулся къ намъ очень скоро и уже болѣе во весь этотъ день не отлучался отъ полка.

Въ 9 часовъ утра насъ подвинули еще ближе къ укрѣпленіямъ у Семеновскаго, въ которыхъ защищались войска князя Багратіона. Укрѣпленія эти переходили изъ рукъ въ руки; страшная рукопашная схватка велась съ перемѣннымъ счастьемъ; съ обѣихъ сторонъ легло много богатырей. Самъ Багратіонъ былъ убитъ. Когда эти укрѣпленія были сданы, а войска, ихъ защищавшія, разстроенныя отступили, мы, Финляндцы, пошли имъ на выручку и расположились въ оврагѣ, сзади Семеновскаго. Тутъ посыпался на насъ градъ картечи, пуль и артилерійскихъ снарядовъ, но мы удержались на мѣстахъ и защитили собиравшіяся сзади насъ разстроенныя части нашей арміи.

Чтобы вы могли хотя отчасти понять, подъ какимъ сильнымъ огнемъ мы находились и какая была потѣха, скажу вамъ, что у Семеновскихъ укрѣпленій, невдалекѣ отъ которыхъ мы защищались, дѣйствовало по нѣскольку сотъ орудій съ каждой стороны, производя самую частую пальбу.

Стояли мы въ оврагѣ въ колоннахъ. Впереди, конечно, цѣпь. Вдругъ видимъ—несется на полныхъ рысяхъ тяжелая кавалерія и идетъ прямо на насъ. Земля просто заколыхалась у насъ подъ ногами—такъ много было всадниковъ. Сначала мы думали, что это наши; но когда нашъ баталіонный камандиръ командовалъ: «Каре противъ кавалеріи»!—мы встрѣтили ихъ дружнымъ залпомъ изъ передняго фаса—и вся эта туча разсѣялась. Атакъ этихъ было очень много, но всякій разъ онѣ были отбиваемы батальнымъ огнемъ, а иногда и штыками. Скажу вамъ по чистой совѣсти: первая атака была для насъ очень страшна, но потомъ мы ихъ и сами желали: урона-то у насъ онѣ никакого не производили, а въ это время по крайней мѣрѣ молчала ихъ артилерія и мы какъ будто отдыхали. Немногіе изъ этихъ кавалеристовъ уцѣлѣли, а еще меньше вернулось съ поля. Взятыхъ въ плѣнъ мы обезоруживали и ставили въ середину каре.

До полудня, т. е. послѣ 6-ти-часовой битвы, всѣ пункты нашей позиціи остались въ рукахъ нашихъ войскъ, кромѣ Семеновскихъ укрѣпленій.

Не успѣли мы раздѣлаться съ французскою кавалеріею, какъ 3-й батальонъ, съ полковникомъ Жерве, посланъ былъ на лѣвый флангъ позиціи, чтобы защитить нашу кавалерію отъ непріятельскихъ стрѣлковъ и воспрепятствовать обходу насъ съ этого фланга. Прибывъ на мѣсто, полковникъ Жерве разсыпалъ стрѣлковъ и огнемъ ея удерживалъ напоръ непріятеля; но когда усилившійся противникъ началъ наступать въ этомъ мѣстѣ двумя колоннами, тогда посланы были и остальные батальоны полка, подъ командою нашего полкового командира, полковника Крыжановскаго. Прибывъ на мѣсто, онъ усилилъ 3-й батальонъ цѣпью 2-го, подъ командою поручика Марина.

У насъ, равно какъ и у французовъ, ружья были не такія,

какъ теперешнія: издалека не очень-то изъ нихъ, бывало, попадешь. Поэтому непріятельская и наша цѣпи сходились такъ близко, что можно было не только видѣть всякаго отдѣльнаго стрѣлка, но и замѣтить, что онъ дѣлалъ. Рукопашныя схватки происходили часто и рѣшали дѣло. Тогда намъ говорили: «Пуля дура, штыкъ молодецъ». Но съ тѣхъ поръ прошло много времени, и пуля очень поумнѣла,

Ктому же и стрѣляли мы гораздо хуже, чѣмъ теперь, т. е. меньше занимались этимъ обученіемъ: на ученьяхъ, бывало, все въ атаку ходимъ колоннами, да учебными шагами: тихимъ, скорымъ и бѣглымъ. Правда, бывали и у насъ лихіе стрѣлки.

Помню, что въ этомъ же дѣлѣ портупей-юнкеръ Протопоповъ такъ удачно стрѣлялъ, что, въ виду командира своей роты, положилъ десять человѣкъ непріятелей, но на одиннадцатомъ промахнулся, потому что самъ былъ раненъ въ правую руку. Протопоповъ былъ награжденъ за это орденомъ Св. Георгія. Помню и о другихъ. Разскажу вамъ про рядового Гаврилова. Онъ былъ конвойнымъ при подпоручикѣ Маринѣ и стрѣлялъ очень рѣдко, несмотря на то, что непріятельскія пули сыпалась на нихъ. Когда подпоручикъ Маринъ спросилъ Гаврилова, отчего онъ рѣдко стрѣляетъ, тотъ отвѣчалъ: «Ваше благородіе, я сохраняю васъ и сберегаю патроны, а стрѣляю только тогда, когда увижу, что непріятельскій стрѣлокъ цѣлится въ васъ». Сказавши это, онъ выстрѣлилъ и наповалъ убилъ француза, показавъ на него подпоручику Маринну.

Едва только наша цѣпь вошла въ лѣсъ, какъ подпоручикъ Маринъ упалъ пораженный: онъ былъ контуженъ. Мѣсто его занялъ подпоручикъ Шепингъ, который, не долго думая, ударилъ на непріятеля въ штыки. Я былъ въ цѣпи. За нами шли 2-й и 3-й батальоны нашего полка. Съ крикомъ «ура» бросились мы всѣ впередъ—и тогда пошла потѣха. Ужь тутъ хорошо я

не помню; знаю, что другъ друга мы не жалѣли; крики и стоны раненыхъ, валившихся направо и налѣво, подбодряли насъ, и мы шли впередъ до самой опушки лѣса, пока не выгнали изъ него французовъ. Цѣпь наша сильно пострадала, и потому ее смѣнили 6-ю егерскою ротою (называлась она у васъ недавно 8-ю, а теперь 6-ю), подъ командою капитана Офросимова (онъ послѣ былъ командиромъ полка).

Французы открыли по ней сильный ружейный и артиллерійскій огонь. Картечью обдавало нашихъ молодцовъ какъ градомъ. На правомъ флангѣ нашимъ было трудно держаться. Видя это, полковникъ Крыжановскій, нашъ командиръ, приказалъ 1-му баталіону, подъ командою полковника Ушакова, идти туда на помощь. Высланы были застрѣльщики подъ командою штабсъ-капитана Раля 4-го, и, немного времени спустя, непріятельская цѣпь была опрокинута и весь лѣсъ былъ очищенъ отъ французовъ.

Все это продолжалось около получаса.

Въ это врамя прискакалъ офицеръ съ приказаніемъ удержаться во что бы то ни стало въ этомъ лѣсу.

Непріятель силился заставить отступить нашихъ стрѣлковъ; но это ему не удалось. Разъ напоръ былъ такъ силенъ, что на подмогу бывшей въ цѣпи 6-й егерской ротѣ выслана была еще рота штабсъ-капитана Ахлестышева; это удержало непріятеля. Перестрѣлка продолжалась до самаго вечера. Помню, что хотя съ утра и было холодновато, но весь остальной день былъ солнечный и теплый, а намъ было даже жарко: такъ мы согрѣлись въ схваткахъ да въ преслѣдованіи французовъ по лѣсу. Вечеромъ пошелъ теплый дождь, и мы немного оправились. Атаки непріятеля продолжались до самаго вечера, но онѣ были отбиты штыками нашихъ Финляндцевъ.

Когда Семеновское укрѣпленіе, переходя изъ рукъ въ руки,

было окончательно взято французами, они направили противъ нашей цѣпи сильный огонь; но и это не помогло,—мы остались на занятыхъ нами мѣстахъ.

Въ 9 часовъ вечера, въ темнотѣ, французы снова зашевелились у села Семеновскаго, но стоявшіе невдалекѣ наши стрѣлки вытѣснили ихъ оттуда штыками. Черезъ часъ окончилась стрѣльба, и мы, оставшись на своихъ мѣстахъ, прикрывали цѣпью всю гвардейскую пѣхотную дивизію.

Генералъ Дохтуровъ.

Вотъ что писалъ о насъ генералъ Дохтуровъ, командовавшій лѣвымъ флангомъ, послѣ князя Багратіона: «Непріятель, принявшій намѣреніе опрокинуть непремѣнно нашъ лѣвый флангъ, дѣлалъ всѣми силами, подъ ужаснымъ огнемъ артиллеріи, нападеніе; но покушенія сіи уничтожены совершенно мѣ-

рами взятыми и безпримѣрною храбростью нашихъ войскъ; полки гвардейскіе—Финляндскій, Измайловскій и Литовскій—во все время сраженія оказали достойную русскихъ храбрость и были первыми, которые, необыкновеннымъ своимъ мужествомъ, удерживая стремленіе непріятеля, поражали онаго повсюду штыками».

Многихъ, очень многихъ не досчатывались мы: кого видѣли убитымъ, кто былъ завѣдомо отправленъ на перевязку, а нѣкоторые исчезли безъ вѣсти. Оставшихся и уцѣлѣвшихъ было немного; не ошибусь навѣрно, если скажу, что изъ десяти человѣкъ не досчитывалось четырехъ. Несмотря на такую убыль, несмотря на нашу усталость, вѣсть о томъ, что будемъ драться и на слѣдующій день, радостно была встрѣчена нами. Ободренные успѣхами дня, мы горѣли желаніемъ отмстить за павшихъ товарищей. О себѣ мы положительно уже не думали: среди тысячи убитыхъ и умирающихъ мы вполнѣ пренебрегали смертью, мало дорожа жизнью.

Въ Бородинской битвѣ участвовало русскихъ около 104,000 противъ 130,000 человѣкъ французовъ. Орудій было у насъ 640 и у французовъ—587. Артиллерійскихъ снарядовъ было выпущено 120,000, а ружейныхъ пуль 4.200,000, такъ-что на каждыхъ двухъ солдатъ, выбывшихъ изъ строя, приходилось 105 пуль и 3 артиллерійскихъ снаряда. Вся площадь, на которой сражались обѣ стороны, равнялась 5,100 десятинамъ. Выбывшихъ изъ строя въ этомъ сраженіи было съ обѣихъ сторонъ около 80,000 человѣкъ. Во вниманіе къ такимъ большимъ потерямъ и усталости нашихъ войскъ, а также сберегая силы ихъ на будущее время, Кутузовъ приказалъ отступать къ Можайску и затѣмъ далѣе на Москву. Нерадостно было встрѣчено это распоряженіе, но всякій утѣшался, что подъ стѣнами Москвы дадимъ хорошій отпоръ противнику.

Къ Москвѣ подошли мы въ субботу, 31 августа, а въ воскресенье расположились бивуакомъ въ двухъ верстахъ отъ Драгомиловской заставы, чтобы защищать нашу столицу. Этотъ день, какъ, недѣлю тому назадъ, канунъ Бородинской битвы, былъ для насъ днемъ отдыха и вмѣстѣ съ тѣмъ днемъ приготовленій къ дѣлу. Какъ тамъ мы ожидали чего-то особеннаго, такъ и здѣсь мы всѣ готовы были лечь, но не допустить Москву на поруганіе непріятелю. Не такъ, однако, случилось. Судьба хотѣла новой и большой жертвы. На слѣдующій день, въ понедѣльникъ, мы оставили Москву безъ боя. Проходя черезъ городъ, мы на каждомъ шагу убѣждались, что Москва была почти совсѣмъ пуста: въ домахъ—никого и ничего; жители почти всѣ выбрались, а запоздавшіе уходили вмѣстѣ съ нами цѣлыми семьями. Все казенное имущество было вывезено на подводахъ, а обыватели сами спасали все, что могли. Барки съ хлѣбомъ и казеннымъ имуществомъ на Москвѣ-рѣкѣ были сожжены и затоплены. Лавки представляли полный безпорядокъ. Купцы зазывали солдатъ и предлагали, просили брать все, что приглянется. «Пусть наше добро достанется лучше вамъ, чѣмъ французамъ»: говорили они. Всѣ улицы завалены были различнымъ скарбомъ, черезъ который съ трудомъ могъ пробираться пѣшеходъ. При всемъ томъ, проходить по городу было легче въ сравненіи съ тѣмъ, что дѣлалось на Москвѣ-рѣкѣ, которую надо было всѣмъ переходить по единственному мосту. Тутъ же былъ и Барклай де-Толли, для поддержанія порядка въ войскахъ. Миновавъ Коломенскую заставу, мы видѣли нашего свѣтлѣйшаго фельдмаршала сидящимъ на скамейкѣ у старообрядческаго кладбища. Онъ о чемъ-то думалъ.

Много приводилось намъ слышать рѣчей во время перехода черезъ Москву—всего не припомнишь; были тутъ всякіе толки. Помню, что это было въ понедѣльникъ, и многіе говорили: «Не

сдобровать Наполеону на понедѣльничномъ новосельи въ Москвѣ»,—и не ошиблись они.

Москва, какъ вы знаете, братцы, сгорѣла. Три четверти домовъ было сожжено, а остальное все разграблено, такъ-что Москва представляла однѣ развалины и обгорѣлыя, голыя стѣны. Когда мы послѣ стояли въ лагерѣ подъ Тарутинымъ, намъ разсказывали, что сначала загорѣлись москотельныя лавки и гостиный рядъ въ Китай-Городѣ, потомъ въ Земляномъ городкѣ каретный рядъ; а когда, на слѣдующій день, поднялся сильный вѣтеръ,—пошла горѣть вся Москва. Тушить, говорятъ, было нечѣмъ, такъ какъ всѣ пожарныя трубы отвезены были во Владиміръ. Порядка не было никакого. Очевидцы разсказывали, что на улицахъ, гдѣ стояли бивуакомъ французскія войска, они видѣли странную смѣсь роскоши съ нуждою. У костровъ, сложенныхъ изъ дорогихъ мебелей, разбитыхъ зеркалъ, разорванныхъ книгъ и картинъ, исколотыхъ въ щепы образовъ святыхъ, кипѣли котлы, въ которыхъ, за недостаткомъ говядины или другаго мяса, варилась конина; подъ голымъ небомъ, безъ всякаго присмотра, валялись головы сахара, мѣшки съ кофе, а хлѣба почти ни у кого не было. Полки французскіе терпѣли отъ неурядицы большую нужду; въ иныхъ много было рису и крупъ, но нечѣмъ было приправить ихъ; а въ другихъ, фуражиры которыхъ имѣли счастіе найти погребъ съ отличными винами, не было ни мяса, ни другихъ съѣстныхъ припасовъ. Лошади, отъ недостатка фуража, были совершенно изнурены и падали. Говорили, помнится, что Наполеонъ былъ очень недоволенъ сожженіемъ Москвы: онъ былъ увѣренъ, что, найдя тамъ все въ изобиліи и остановившись въ этомъ городѣ, онъ заключилъ славный для себя миръ, какъ это удавалось ему дѣлать въ другихъ государствахъ. Но за такую самоувѣренность онъ былъ жестоко наказанъ. Изъ Москвы мы пошли сначала на

Рязань, но, послѣ двухъ переходовъ по этому пути, свернули проселкомъ на старую Калужскую дорогу. Теперь стало ясно, чего хочетъ нашъ свѣтлѣйшій:—загородить непріятелю путь въ южныя, богатыя хлѣбомъ губерніи.

Ровно черезъ три недѣли послѣ нашего прохода черезъ Москву, также въ понедѣльникъ, мы вступили въ лагерь при с. Тарутинѣ. Болотистая рѣчка Нара, шириною не болѣе 20 саженъ, при полуаршинной глубинѣ, протекла передъ нами вдоль фронта. Нашъ полкъ стоялъ въ колоннахъ къ атакѣ сзади самаго Тарутина, во второй линіи, правѣе большой дороги изъ Калуги въ Москву, раздѣлявшей нашу позицію по, поламъ. Сзади насъ былъ лѣсъ. Впереди рѣчки Нары, верстъ на 6 или на 7 въ томъ же направленіи, какъ она, протекла рѣчка Чернишна, за которою расположились французы. Тутъ мы простояли двѣ недѣли, которыя были для насъ настоящимъ отдыхомъ. Черезъ нашъ лагерь проходила, какъ я вамъ сказалъ, дорога изъ Калуги, въ которой были собраны большіе запасы, Поэтому мы ни въ чемъ не нуждались. Кромѣ того, къ намъ въ лагерь являлись во множествѣ крестьяне съ различными продуктами, продавая ихъ по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Мясо и водка были отпускаемы намъ почти ежедневно. Въ лагерѣ появились рынки и множество маркитантовъ. Шалаши, наскоро построенные, въ которыхъ помѣщались офицеры, обращались понемногу въ удобныя убѣжища, такъ-что въ нѣкоторыхъ поставлены были даже камины. Все это успокоило насъ, ободрило и разсѣяло то уныніе, которое было неотлучно послѣ оставленія Москвы. По вечерамъ, предъ зарею, во всѣхъ полкахъ играла музыка и раздавались удалыя русскія пѣсни. Сюда къ намъ подходили подкрѣпленія въ людяхъ, и въ то время, когда наши войска усиливались, французы гибли, и войско ихъ таяло какъ свѣчка. Наполеонъ съ главными силами былъ въ Москвѣ,

а авангардъ его расположенъ у Тарутина, противъ насъ, за рѣчкою Чернишною. Отряды эти были окружены нашими партизанами, которые, захватывая постоянно ихъ фуражировъ, препятствовали всякому подвозу къ нимъ съѣстныхъ припасовъ и добыванію фуража. Это наводило ужасъ на французовъ, и они должны были отправляться на фуражировку большими отрядами, даже съ артиллеріею, что утомляло людей и было причиною полнаго ихъ изнеможенія и гибели множества лошадей, которыхъ замѣнить было нечѣмъ. Люди начали терпѣть голодъ и, не имѣя ни хлѣба, ни мяса, стрѣляли воронъ, ѣли кошекъ и даже питались мясомъ дохлыхъ лошадей. Это порождало болѣзни и еще болѣе ослабляло непріятеля. Ктому же начались дожди, холодъ, а по ночамъ и сильные морозы; французы же были безъ теплой одежды. Таково было положеніе непріятеля въ Москвѣ, а въ лагерѣ у Тарутина оно было еще хуже. Солдаты, утомленные сторожевою службою и дальними фуражировками, не имѣли даже никакой пищи, кромѣ крупы и конины, и если имъ случалось найти сколько нибудь ржи или пшеницы, то они толкли зерно на камняхъ и варили изъ него похлебку. Вмѣсто соли употребляли порохъ, а вмѣсто сала — сальныя свѣчи, если таковыя попадались подъ руку; въ холодныя, сырыя ночи, за недостаткомъ въ дровахъ, французы огней не разводили, дрогли отъ стужи и подвергались простудѣ и болѣзнямъ.

Наши партизаны продѣлывали съ непріятелями такія штуки, что сразу и не повѣришь, хотя это и точно случалось. Былъ нѣкто капитанъ Фигнеръ, который отъ всей души ненавидѣлъ Наполеона. По занятіи непріятелемъ Москвы, онъ, съ разрѣшенія главнокомандующаго, отправился туда, въ продолженіи дня онъ ходилъ по городу, переодѣтый то во фракѣ, то въ крестьянской сермягѣ, пробирался въ дома, занятые французами, и вывѣдывалъ, что было нужно; а ночью, вооруживъ нѣсколько

жителей, истреблялъ непріятеля и даже искалъ случая захватить самого Наполеона. Послѣ ему дали солдатъ и послали съ небольшимъ отрядомъ въ тылъ французской арміи. Вотъ тогда-то онъ прославился своею смѣтливостью и смѣлостью. Однажды Фигнеръ, переодѣвшись французскимъ кирасиромъ, въ бѣлой шинели, привелъ свой отрядъ въ лѣсъ, приказалъ людямъ слѣзть съ коней и сохранять тишину и молчаніе, а самъ вы-

Полковникъ Фигнеръ.

ѣхалъ на просѣку, вдоль которой пролегала большая дорога, остановился въ тѣни у опушки лѣса. Вскорѣ раздался топотъ лошадей, говоръ солдатъ и показались на дорогѣ французскіе кирасиры, въ колоннѣ по шести. Давъ пройти тремъ эскадронамъ и, вѣроятно, уже будучи замѣченъ непріятелями, Фигнеръ самъ сдѣлалъ окликъ: «Кто идетъ»? Тогда одинъ изъ офицеровъ, ѣхавшій на флангѣ кирасиръ, отдѣлился отъ эскадрона

и подъѣхалъ къ нашему партизану, который, обмѣнявшись съ нимъ нѣсколькими словами, повернулъ лошадь въ лѣсъ и возвратился къ своимъ. Пройдя съ отрядомъ, по указанію крестьянъ, служившихъ проводниками, довольно большое пространство заглохшими тропинками, Фигнеръ опять остановилъ своихъ партизановъ въ лѣсу, съ приказаніемъ слѣзть съ лошадей и отдыхать до его возвращенія; самъ же онъ, вызвавъ ѣхать двухъ офицеровъ Польскаго уланскаго полка (которыхъ мундиръ подходилъ къ одеждѣ польскихъ уланъ, служившихъ въ наполеоновской арміи), приказалъ одному изъ нихъ, говорившему кое-какъ по-французски, въ случаѣ встрѣчи съ непріятелями, отвѣчать и за себя, и за товарища своего, вовсе не знавшаго иностранныхъ языковъ. Затѣмъ всѣ трое, выѣхавъ изъ лѣса, увидѣли верстахъ въ двухъ отъ себя, на открытомъ пространствѣ, бругомъ села, довольно обширный французскій лагерь. «Поѣдемъ къ нимъ», сказалъ Фигнеръ и, вмѣстѣ съ своими товарищами, маленькою рысцою подъѣхалъ къ лагерю такъ беззаботно, что часовымъ даже не пришло въ голову остановить его. Приблизясь къ кирасирскому полку, проходившему почью мимо его отряда, Фигнеръ обратился къ стоявшимъ вмѣстѣ двумъ офицерамъ, пожелалъ имъ добраго утра и вступилъ съ ними въ продолжительную бесѣду, между тѣмъ какъ офицеры его, разговаривая поневолѣ съ обступившими ихъ кирасирами, отчаялись въ своемъ спасеніи. Наконецъ онъ распрощался съ неожиданными знакомыми, повернулъ лошадь назадъ и отъѣхалъ нѣсколько шаговъ, но вдругъ опять возвратился къ французскимъ офицерамъ, сдѣлалъ имъ нѣсколько вопросовъ и хладнокровно отправился въ лѣсъ къ своему отряду.

Въ другой разъ Фигнеръ, съ находившимся въ его отрядѣ Сумскаго гусарскаго полка поручикомъ Орловымъ, оба, пере-

одѣтые во французскіе мундиры, отправились съ проводникомъ изъ крестьянъ въ село Вороново, гдѣ находился тогда лагерь авангарда Наполеоновой арміи и была расположена главная квартира Мюрата. Пробравшись незамѣтно черезъ цѣпь ведетовъ, Фигнеръ подъѣхалъ къ мосту на рѣчкѣ, прикрывавшей непріятельскіе бивави. Пѣхотный часовой, стоявшій на мосту, встрѣтилъ его окликомъ: «Кто идетъ?» и потребовалъ отзыва; но Фигнеръ, вмѣсто отзыва (котораго, разумѣется, не зналъ), разругалъ часоваго за неправильную будто-бы формальность въ отношеніи къ рунду, повѣряющему посты. Часовой, совсѣмъ сбившійся съ толку, пропустилъ обоихъ партизановъ въ лагерь, куда Фигнеръ явился какъ свой, подъѣзжалъ ко многимъ кострамъ, говорилъ весьма хладнокровно съ офицерами и, узнавъ все, что ему было нужно, возвратился къ мосту. Тамъ, снова сдѣлавъ наставленіе знакомому часовому, чтобы онъ не осмѣливался останавливать рундовъ, переѣхалъ черезъ мостъ и сначала пробирался шагомъ, а потомъ, приблизясь къ цѣпи ведетовъ, промчался черезъ нее вмѣстѣ съ Орловымъ, подъ пулями и возвратился къ отряду.

Такіе-то партизаны, между которыми потомъ особенно отличался Денисъ Васильевичъ Давыдовъ и Сеславинъ, безпрестанно нападали врасплохъ на французовъ, отбивали цѣлые обозы съ продовольствіемъ, освобождали нашихъ плѣнныхъ и появлялись тамъ, гдѣ французы менѣе всего ожидали встрѣтить русскихъ.

Въ одномъ изъ такихъ партизанскихъ дѣйствій, во время перехода французскихъ войскъ, два гренадера старой гвардіи, едва не въ виду Наполеона самого, были выхвачены изъ рядовъ и доставлены въ русскую главную квартиру.

Не только войска и партизаны, но даже помѣщики, граждане и сами крестьяне не мало уничтожали французовъ, спо-

собствуя скорѣйшему ихъ изгнанію. Такъ, между сычевскими (Смоленской губерніи) воинами-поселянами былъ извѣстенъ смѣлостью и необыкновенною тѣлесною силою бурмистръ сельца Левшина (въ 15 верстахъ отъ Сычевки, по Вяземской дорогѣ). Однажды непріятельская партія, въ числѣ 30 человѣкъ, вошла въ это сельцо и заняла избу для отдыха. Узнавъ о томъ, бурмистръ послалъ созвать народъ, а самъ, пригласивъ къ себѣ въ помощь одного изъ крестьянъ, подошелъ тихо къ избѣ, занятой французами, и приперъ дверп. Испуганные враги начали стрѣлять сквозь двери и смертельно ранили бурмистра; но, между тѣмъ, крестьяне успѣли сбѣжаться, окружили избу и, угрожая зажечь ее, заставили непріятелей сдаться. Чувствуя близкую свою кончину, бурмистръ завѣщалъ своимъ товарищамъ не мстить за его смерть и пощадить плѣнныхъ французовъ. Многіе изъ сычевскихъ жителей были награждены знаками Военнаго Ордена, а мѣщане, участвовавшіе въ дѣлахъ противъ непріятеля, по Высочайшему повелѣнію, получили всѣ по пяти рублей.

Подполковникъ Энгельгардтъ, оставаясь въ своей деревнѣ, способствовалъ казакамъ истреблять непріятелей, появлявшихся въ сосѣдствѣ. Вслѣдствіе этого сдѣланъ былъ доносъ на Энгельгардта въ убійствѣ многихъ французскихъ солдатъ. Будучи привезенъ французами въ Смоленскъ, посаженъ въ тюрьму и отданъ подъ военный судъ, Энгельгардтъ былъ приговоренъ къ смертной казни и разстрѣлянъ 15 октября. Когда его вывели за Малаховскія ворота, гдѣ назначено было исполнить приговоръ суда, непріятели стали уговаривать его, чтобы онъ вступилъ во французскую службу, предлагая въ награду за измѣну чинъ полковника. Русскій дворянинъ съ презрѣніемъ отвергнулъ недостойное предложеніе. «Стрѣляйте въ меня!» — сказалъ онъ, сорвавъ платокъ, которымъ хотѣли завязать ему

Императоръ Александръ Благословенный.

глаза, и безстрашно смотря на прицѣлившуюся въ него команду. Непріятели, чтобы поколебать его мужество, сперва нанесли ему рану въ ногу, обѣщая пощадить его, если онъ согласится служить Наполеону; но ни боль, терпимая страдальцемъ, ни льстивыя обѣщанія мучителей не могли поколебать твердости духа великодушнаго Энгельгардта. Тогда французы выстрѣлили по немъ залпомъ. Изъ восьмнадцати пущенныхъ въ него пуль двѣ попали въ грудь и одна въ животъ; но какъ онъ еще продолжалъ дышать, то одинъ изъ солдатъ, зарядивъ наскоро ружье, выстрѣлилъ ему въ високъ и прекратилъ его страданія.

Императоръ Александръ I-й, узнавъ о всѣхъ обстоятельствахъ геройской кончины Энгельгардта, пожаловалъ пенсіи ближайшимъ его роднымъ.

Положеніе французовъ становилось съ каждымъ днемъ все хуже и хуже. Наполеонъ это хорошо сознавалъ, и не прошло и трехъ недѣль послѣ оставленія нами Москвы, какъ онъ рѣшился первый сдѣлать шагъ къ миру и прислалъ переговорщика, который, хотя и былъ принятъ главнокомандующимъ, но уѣхалъ безъ всего.

Простояли мы въ Тарутинскомъ лагерѣ двѣ недѣли; тутъ мы провели и праздникъ Покрова Пресвятыя Богородицы, а равно черезъ 5 дней послѣ него неожиданно напали на французовъ и прогнали ихъ изъ занимаемой ими позиціи.

Въ это же самое время,—какъ мы узнали послѣ,—французы выгнаны были и изъ Полоцка будучи принуждены къ быстрому отступленію.

Я говорилъ вамъ, кажется, что вправо отъ нашего лагера тянулся лѣсъ по направленію къ непріятелю и доходилъ почти до самаго его лѣваго фланга.

Объѣзжая этотъ лѣсъ, казаки наши замѣтили, что онъ

никѣмъ не былъ охраняемъ, такъ-что въ немъ не было даже разъѣздовъ; кромѣ того, замѣчены были вообще явная безпечность противника нашего и сильное его изнуреніе. Пользуясь этимъ, нашъ главнокомандующій рѣшился напасть врасплохъ на французскій лагерь. Для этого приказано было нѣсколькимъ нашимъ корпусамъ, пройдя лѣсъ съ правой стороны нашего лагеря, напасть на лѣвый флангъ непріятеля. Въ то же время другія войска должны были атаковать его съ фронта. Чтобы нападеніе наше имѣло полный успѣхъ, рѣшено было произвести его ночью. Помню, что это было назначено въ ночь съ субботы на воскресенье. Мы стояли, какъ я вамъ уже сказалъ, сзади Тарутина. Въ субботу вечеромъ, въ 6 часовъ, мы выступили изъ лагеря, прошли черезъ р. Нару и стали въ дивизіонныхъ колоннахъ за лѣсомъ, правѣе Тарутина, въ резервѣ за 6, 7 и 8 пѣхотными корпусами. Для того же, чтобы непріятель не замѣтилъ нашего движенія и не разгадалъ нашихъ намѣреній, въ лагерѣ оставлены были барабанщики и горнисты бить зорю, костры велѣно зажечь точно такіе же, какъ всегда—ни болѣе, ни менѣе, а для наблюденія за порядкомъ оставлены были въ каждой ротѣ дежурный по ротѣ унтеръ-офицеръ съ тремя рядовыми и въ каждомъ полку по одному офицеру. Всѣ передвиженія должны были быть произведены ночью безъ всякаго шума. Курить даже было запрещено, чтобы какъ нибудь запахъ табаку по вѣтру не дошелъ до непріятеля.

Хотя части и выступили своевременно, но, вслѣдствіе темноты и трудности движенія по незнакомому лѣсу, войска нашего праваго фланга немного запоздали, такъ-что нападеніе пришлось произвести не ночью, съ разсвѣтомъ, а уже утромъ. Несмотря, однако, на это, нападеніе было все-таки неожиданно для французовъ, и хотя они защищались насколько могли, но должны были въ безпорядкѣ отступить съ большимъ уро-

номъ въ людяхъ и оружіи. Отступленіе было такъ поспѣшно, что на бивуачныхъ огняхъ оставлены были кофейники съ горячимъ кофе и котлы съ лошадиною падалью вмѣсто мяса.

Въ то время, какъ происходило сраженіе, о которомъ я вамъ только-что разсказалъ, Наполеонъ въ Москвѣ дѣлалъ смотръ войскамъ. Получивъ извѣстіе отъ прискакавшаго адъютанта объ отступленіи французовъ, онъ тотчасъ прекратилъ смотръ и приказалъ готовиться къ выступленію изъ Москвы.

Извѣстіе объ отступленіи въ безпорядкѣ французскихъ войскъ послѣ дѣла у Тарутина (на р. Чернишнѣ) было такъ неожиданно для Наполеона, что онъ приказалъ войскамъ своимъ выступать на слѣдующій же день.

Пробывъ ровно пять недѣль въ Москвѣ, Наполеонъ выступилъ изъ этого города, сдѣлавъ распоряженіе о взрывѣ Кремля и сожженіи всѣхъ казармъ и общественныхъ зданій. На этотъ разъ шествіе непріятельскихъ войскъ представляло необыкновенное зрѣлище, подобное переселенію народовъ со всѣми ихъ имуществами. На протяженіи цѣлыхъ переходовъ тянулись въ три и четыре ряда артиллерійскія орудія, зарядныя фуры, госпитальныя и провіантскія повозки, экипажи всевозможныхъ родовъ и даже дрожки, нагруженные различными вещами и, преимущественно, съѣстными припасами и одеждою, между тѣмъ какъ не было принято никакихъ мѣръ для правильнаго снабженія ими войскъ. Нѣкоторыя части арміи, при торопливомъ выступленіи изъ Москвы, не успѣли получить изъ магазиновъ ни сухарей, ни муки; другія не имѣли средствъ увезти запасы съ собою, и потому 7-го октября поутру были сожжены въ Москвѣ значительные хлѣбные магазины. Большія стада рогатаго скота увеличивали длину колоннъ. Вокругъ повозокъ толпилась армія, какъ будто бы составляя конвой огромнаго обоза. Множество иностранцевъ, оставившихъ нашу

столицу при выступленіи французовъ, ихъ семейства, женщины и дѣти—пробирались между артиллеріею и войсками, увеличивая тѣсноту и безпорядокъ. Раненые и больные, добровольно выйдя изъ госпиталей, усиливались тащиться вслѣдъ за своими полками, и при всемъ томъ до двухъ тысячъ увѣчныхъ страдальцевъ было брошено безъ всякаго призрѣнія на московскомъ пожарищѣ.

На всякомъ мосту, у всякой тѣснины, обозы и войска, столпившись между собою, останавливали движеніе слѣдовавшихъ за ними частей колонны: арріергардъ подходилъ прежде, нежели успѣвали миновать дефилэ всѣ остальныя повозки; на всякомъ шагу непріятели были принуждены оставлять ихъ въ жертву нашимъ партизанамъ.

На несчастіе французовъ, въ это время перемѣнилась погода: шелъ дождь—и дороги сдѣлались весьма дурны, что, при переправахъ черезъ многіе узкіе и непрочные мостики, чрезвычайно затрудняло движеніе арміи и въ особенности обозовъ.

Получивъ извѣстіе объ оставленіи французами Москвы, мы выступили изъ тарутинскаго лагеря. Въ настоящее время на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ нашъ лагерь, тарутинскіе крестьяне воздвигли памятникъ съ надписью: «На этомъ мѣстѣ россійское воинство, предводительствуемое фельдмаршаломъ Кутузовымъ, укрѣпясь, спасло Россію и Европу». Кромѣ того, въ дер. Мозахъ сберегается крестьянская изба, служившая квартирою фельдмаршалу въ 1812 году. На ней и теперь есть доска съ надписью: «Квартира главнокомандующаго арміями Кутузова». Тутъ же сберегаются и дрожки его, на которыхъ онъ объѣзжалъ ряды воиновъ до наступленія зимы. Въ этой избѣ никто не живетъ теперь, и она содержится въ чистотѣ, исправности и обита тесомъ.

Выступивъ изъ Тарутинскаго лагеря, мы того же дня до-

стигли Малоярославца, гдѣ и расположились бивуакомъ. Тутъ было небольшое дѣло, въ которомъ нашъ полкъ не участвовалъ. Городъ переходилъ нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки, но наконецъ остался за нами. Фельдмаршалъ былъ съ нами. Какъ теперь вижу его сидящимъ въ креслахъ, со скамейкою подъ ногами, предъ палаткою и разведеннымъ огнемъ на правомъ флангѣ бивуака нашего полка. Нѣсколько нашихъ офицеровъ подошли къ огню съ дозволенія фельдмаршала. Было 9 часовъ вечера. Въ это время генералъ Дохтуровъ, командовавшій войсками, пришелъ къ главнокомандующему лично доложилъ о побѣдѣ. Кутузовъ, какъ намъ разсказывали офицеры, не вставая, обнялъ подошедшаго Дохтурова, нѣсколько разъ поцѣловалъ, далъ ему изъ-подъ своихъ ногъ скамейку и сказалъ: «Благодарю тебя, мой дорогой Дмитрій Петровичъ! Много потѣшилъ ты меня сегодня, старика, слава Богу!» Продолжая далѣе весело разговаривать о томъ, что Наполеону не удалось пробраться на другую дорогу, гдѣ не было такого разоренія и опустошенія, какъ по той, по которой онъ долженъ былъ теперь двигаться, Кутузовъ поправлялъ свою бѣлую фуражку надъ прострѣляннымъ глазомъ и говорилъ: «Наполеонъ побить меня можетъ — это въ рукѣ Бога; но обмануть ему не удастся. Пусть возвращается тою же дорогою, по которой пришелъ». Въ то же время до насъ долетали звуки пушечныхъ выстрѣловъ. Кутузовъ, обращаясь къ нашимъ офицерамъ, весело сказалъ: «Это, господа офицеры, Матвѣй Ивановичъ Платовъ забавляется, не давая французамъ грѣться у огней».

Послѣ пораженія французовъ при Малоярославцѣ, они начали отступать въ полномъ разстройствѣ къ Смоленску, гдѣ разсчитывали найти подкрѣпленія и отдохнуть; но и тутъ ошиблись: войска ихъ ушли къ Витебску, а магазины были пусты. Мы гнали по пятамъ отступавшаго непріятеля, захватывая у

него множество плѣнныхъ, орудій и различныхъ трофеевъ. При селеніи Княжомъ нашъ полкъ разсѣялъ большую колонну непріятельскихъ хлѣбопековъ. Дѣло это памятно всѣмъ намъ потому въ особенности, что оно цѣликомъ почти состояло изъ рукопашныхъ схватокъ со штыковою потѣхой. Описывать вамъ ужасныя сцены, бывшія тутъ, я не берусь. Въ этой схваткѣ чуть не погибъ нашъ славный ротный командиръ, капитанъ М. Я. Палицынъ, котораго мы очень любили. Помню, что когда колонна наша пошла на непріятеля въ штыки, то Палицынъ первый закричалъ «ура» и бросился впередъ. Вся рота двинулась за нимъ и оттѣснила своего капитана, начавъ посвоему расправляться съ французами. Вдругъ вижу я, что на нашего ротнаго командира, оставшагося на правомъ флангѣ, бросился со штыкомъ французъ. Отъ меня до капитана было нѣсколько саженъ. Я бросился на француза, но не успѣлъ еще сдѣлать и нѣсколькихъ шаговъ, какъ онъ поскользнулся и упалъ, чѣмъ самъ спасъ жизнь нашего дорогаго Михаила Яковлевича. Тутъ подбѣжалъ нашъ солдатъ и закололъ француза, избавивъ капитана отъ грозившей ему опасности.

Послѣ многихъ стычекъ, въ которыхъ французы принуждаемы были къ отступленію съ большимъ урономъ, и послѣ сраженія у города Вязьмы, Наполеонъ прибылъ наконецъ съ остаткомъ большой арміи къ Смоленску. Плѣнные разсказывали намъ послѣ, что, не доходя нѣсколькихъ верстъ до города, войскамъ приказано было остановиться и ожидать доставки къ нимъ провіанта изъ смоленскихъ магазиновъ. Но такъ какъ никакія усилія не могли удержать нестройныя толпы безоружныхъ и отсталыхъ, то вскорѣ городъ наполнился голодными, оборванными мародерами, кидавшимися на все, что могло утолить терзавшій ихъ голодъ. Въ первую же ночь эти несчастные зарѣзали и съѣли двѣсти пятнадцать фурштадтскихъ лошадей. Такъ

какъ при подобныхъ безпорядкахъ раздача провіанта не могла производиться правильно и скоро, то массы голодныхъ, наводнившихъ городъ, осаждали магазины, кидались съ ужасными воплями на всякаго, у кого былъ кусокъ хлѣба, либо другая пища, и отнимали добычу, убивая тѣхъ, которые сопротивлялись ихъ неистовымъ усиліямъ.

Остатки большой арміи, разстроенные, изнеможенные, безъ теплой одежды и почти вовсе безъ обуви, при морозахъ, доходившихъ до 12° и болѣе, преслѣдуемые нашими войсками, отступали нѣсколькими колоннами и по нѣсколькимъ дорогамъ.

Убѣдившись въ такомъ разстроенномъ состояніи непріятеля, фельдмаршалъ рѣшился остановить его при г. Красномъ и уничтожить жалкіе остатки наполеоновской арміи. Поэтому и предположено было, пропустивъ французовъ въ Красный и напирая на нихъ съ тыла, загородить имъ выходъ изъ города такъ, чтобы непріятель поставленъ былъ между двухъ огней.

Для исполненія этого предположенія, часть войскъ, авангардъ которыхъ составленъ былъ изъ насъ — Финляндцевъ, гвардейскихъ егерей и кирасировъ Его и Ея Величествъ, роты гвардейской артиллеріи и одного казачьяго полка, послана была за Красный, къ с. Доброму, чтобы остановить французовъ по выходѣ изъ города. Остальныя войска должны были тѣснить непріятеля съ тыла.

Мы выступили въ 6 часовъ утра и были уже близко къ селу Доброму, какъ, вслѣдствіе полученнаго отъ фельдмаршала приказанія, остановились. Простоявъ около 3 часовъ въ бездѣйствіи, мы получили приказаніе снова двинуться къ мѣсту назначенія. Дорога была узкая, занесенная снѣгомъ, и мы потому шли очень медленно. Выйдя, да и то уже въ сумерки, на большую дорогу, ведущую изъ Краснаго черезъ Доброе на Ляды,

мы могли имѣть дѣло только съ хвостомъ колонны, такъ какъ остальныя войска успѣли пройти безпрепятственно.

Тѣснимый изъ Краснаго, непріятель отступалъ поспѣшно по большой дорогѣ въ полномъ безпорядкѣ. Замѣтивъ насъ, французы еще болѣе смѣшались и, столпившись въ густыя колонны, хотѣли силою проложить себѣ путь. Какъ только подошли мы къ большой дорогѣ, артиллерія, бывшая съ нами, сдѣлала нѣсколько удачныхъ выстрѣловъ по непріятелю. Въ то же время, пользуясь разстройствомъ французовъ, нашъ третій баталіонъ бросился на нихъ въ лощинѣ предъ с. Добрымъ, отнялъ 9 орудій, захватилъ весь обозъ, жезлъ маршала Даву и плѣнными 5 оберъ-офицеровъ и 350 нижнихъ чиновъ. Въ числѣ обоза мы взяли нѣсколько фуръ съ готовыми подковами, но безъ шиповъ; тогда мы удивлялись, какъ можно было заготовлять такія подковы при существовавшей тогда гололедицѣ, а что еще важнѣе—зачѣмъ возить ихъ за войсками. Въ этотъ день французы, какъ говорили тогда, потеряли болѣе 6 тысячъ плѣнными, сорокъ пять орудій и множество обоза. Кромѣ того, штабсъ-капитанъ Офросимовъ съ 3-ю егерскою ротою (бывшая 4-я, а нынѣ 2-я линейная) отнялъ у непріятеля плащаницу и два креста. За это дѣло командиръ нашего баталіона, штабсъ-капитанъ Байковъ, посланъ былъ въ С.-Петербургъ съ донесеніями къ Государю, который возложилъ на него съ собственной груди крестъ ордена св. Георгія 4 ст. и произвелъ въ капитаны. Жезлъ, взятый нами, хранится въ Казанскомъ соборѣ въ Петербургѣ, а плащаница—въ полковой церкви Финляндскаго полка. Въ этомъ дѣлѣ, кромѣ взятыхъ въ плѣнъ, одинъ французскій полкъ былъ совершенно уничтоженъ, а два разбѣжались по ближайшимъ лѣсамъ. Наполеонъ самъ едва-успѣлъ ускакать. Помню, что, когда это дѣло кончилось, къ Преображенцамъ *подскакалъ* фельдмаршалъ, чего никогда не бывало—

онъ всегда *ѣхалъ шагомъ*—и, обрадованный успѣхомъ, указавъ на трофей, громко крикнулъ «ура»! Дружное и оглушительное повтореніе этого слова всѣми полками было ему отвѣтомъ.

Дальнѣйшее отступленіе остатковъ большой арміи было такимъ быстрымъ, что для преслѣдованія бѣгущаго непріятеля составленъ былъ особый *летучій отрядъ* изъ Финляндскаго, Егерскаго и двухъ кирасирскихъ полковъ, части гвардейской артиллеріи и казаковъ. Пренебрегая всѣми лишеніями этого тяжелаго времени и горя желаніемъ пользоваться малѣйшимъ случаемъ для уничтоженія противника, мы не шли, а просто литѣли, находя на каждомъ бивуакѣ готовые разведенные огни, оставленные французами. Въ самый Михайловъ день, т. е. 8 ноября, мы навели наскоро въ мѣстечкѣ Дубровкѣ, Могилевской губерніи, мостъ чрезъ р. Днѣпръ и переправились по немъ на другую сторону. Пѣхота наша прошла безъ остановки, а орудія перевезли мы сами на себѣ по толстымъ доскамъ, постланнымъ вдоль моста. Не такъ было легко справиться съ кавалеріею: она встрѣтила большое затрудненіе при переправѣ, такъ какъ мостъ, будучи очень слабымъ, при каждомъ почти шагѣ лошади угрожалъ разрушеніемъ. Поэтому лошадей обоихъ кирасирскихъ полковъ пришлось перетаскивать по доскамъ, спутавъ имъ ноги и положивъ на бокъ. Казаки перешли рѣку вплавь. Едва только прошли войска, какъ напоромъ льда снесло мостъ, такъ-что обозъ, часть патронныхъ ящиковъ и всѣ провіантскія фуры остались на большой дорогѣ, по другую сторону рѣки. Теперь-то началось для насъ самое трудное время. Хлѣба нѣтъ, сухарей тоже и провизіи никакой. Пробывъ недѣлю въ пути, мы, безъ дневокъ, въ первый день Филипповскаго поста, т. е. 15 ноября, прибыли къ Борисову, перешли Березину и, попавъ въ резервъ отряда генерала Чаплица, остановились верстахъ въ 6-ти за городомъ, у дер. Стахово. Здѣсь простояли мы двое су-

токъ, за деревнею, въ лѣсу, по колѣно въ снѣгу и безъ куска хлѣба. Тутъ дошли мы до величайшаго бѣдствія: все, что оставалось припасеннаго, было съѣдено, и если у кого отыскивался кусокъ сухаря, тотъ считалъ себя богачемъ.

Наконецъ вспомнили и насъ, и прислали бочку горѣлки и бочку ячменныхъ крупъ. Горѣлку—такъ называется водка побѣлорусски — мы раздѣлили по ротамъ манерками, и съ нею расправа была коротка. Но что дѣлать съ крупой? Котловъ нѣтъ, варить не въ чемъ, ѣсть сухую нельзя. Но вѣдь недаромъ говорятъ, что голодъ не тетка. Давай подыматься на хитрости! Стали мы сдирать съ елей кору и, согнувъ лубокъ въ видѣ кузова, клали въ него крупу, снѣгу—и давай жарить на огнѣ. Лубокъ горитъ и крупа горитъ—и выходило что-то въ родѣ горѣлаго комка; но мы и ему были рады и ѣли съ жадностью.

У переправы черезъ Березину было нѣсколько жаркихъ стычекъ, въ которыхъ нашъ отрядъ почти не принималъ участія. Французы, имѣвшіе оружіе, дрались очень храбро, но множество безоружныхъ сдавалось въ плѣнъ. Хотя Наполеонъ и былъ окруженъ русскими войсками, но, какъ тогда говорили, благодаря только своей энергіи, онъ успѣлъ навести два моста у дер. Студянки и переправить по нимъ жалкіе остатки своей недавно грозной арміи. Я не былъ при переправѣ; но мнѣ разсказывали очевидцы, что, когда на высотахъ у Студянки показались наши Донцы, французы зажгли мосты. Тысячи больныхъ и раненыхъ, женщины и дѣти—были брошены; многіе желали спастись по горѣвшимъ мостамъ, другіе хотѣли перебраться по льду, но какъ тѣ, такъ и другіе гибли. Зрѣлище, говорятъ, было необычайное: пространство на квадратную версту было уставлено экипажами, фурами, повозками, между которыми, среди награбленной добычи, лежали кучи тѣлъ, ползали раненые и умирающіе, бро-

дили голодные, полузамерзшіе непріятели. Положеніе ихъ при 20° морозѣ было ужасно. Среди множества предметовъ роскоши, вывезенныхъ изъ Москвы, мужчины и женщины, едва покрытые грязными рубищами, просили у нашихъ солдатъ, какъ милости, куска хлѣба. Офицеры ихъ, успѣвшіе сохранить при себѣ дорогія кольца, часы и деньги, предлагали ихъ за кусокъ солдатскаго сухаря. Переходъ черезъ Березину окончательно разстроилъ остатки французской арміи, послѣ чего она уже представляла толпу, достойную одной жалости. Войско Наполеона состояло не болѣе какъ изъ 9,000 человѣкъ.

При переправѣ черезъ Березину, наши казаки отбили у непріятеля 40 пудовъ церковнаго серебра, изъ котораго сдѣланъ впослѣдствіи иконостасъ въ Казанскомъ соборѣ въ С.-Петербургѣ.

Несмотря на всѣ наши лишенія, голодъ и бѣдствія, мы продолжали гнать по пятамъ бѣгущую нестройную толпу непріятельскихъ войскъ до самой Вильны. Путь нашъ отъ Березины до Вильны былъ ужаснѣе всего предъидущаго: хлѣба или сухарей у насъ вовсе не было, и только благодаря нашимъ славнымъ Донцамъ, доставлявшимъ намъ иногда, да и то очень рѣдко, тощихъ, исхудалыхъ коровъ, мы не померли съ голоду. Послѣ перехода, мы обыкновенно, старые, опытные солдаты, несмотря на усталость, снимали ранцы и отправлялись въ сторону за нѣсколько верстъ добывать хлѣба, зерна или чего съѣстнаго для себя и товарищей; молодые же и неопытные, послѣ перехода, нерѣдко большаго, сложивъ ранцы себѣ подъ голову, засыпали у огня, а утромъ, для утоленія голода, жарили и ѣли конину. Не меньшую нужду терпѣли мы и въ одеждѣ. Пройдя верстъ двадцать, а иногда и болѣе, по глубокому снѣгу, при жестокомъ морозѣ и вьюгѣ, мы торопились разводить огни и ложились кругомъ ко-

стровъ, леденѣя съ одного бока и обжигаясь съ другаго. Въ такихъ обстоятельствахъ одежда и обувь изнашивалась въ нѣсколько дней, а замѣнить ея было нечѣмъ, и потому мы добывали себѣ теплую одежду сами, обувались въ кеньги, валенки, носили наушники и укутывались во что попало.

Офицеры наши были совершенно въ одинаковомъ положеніи съ солдатами, подавая намъ примѣръ въ терпѣніи и выносливости. Какъ они, такъ и генералы, шли пѣшкомъ, чтобы согрѣться, и все-таки отмораживали и руки, и ноги. Какъ ни труденъ былъ походъ отъ Борисова, но никто изъ насъ не унывалъ, видя въ самомъ недалекомъ будущемъ конецъ всѣмъ лишеніямъ и бѣдствіямъ этого ужаснаго времени. Наконецъ, 10 декабря, предъ нами показалась Вильна. Мы всѣ ожили. Безъ боя и сопротивленія заняли мы этотъ городъ, въ которомъ находились огромные склады провіанта и одежды. Тутъ, говорятъ, захвачено было въ плѣнъ 7 генераловъ, 242 штабъ и оберъ-офицеровъ и болѣе 14,000 французскихъ солдатъ.

Для вступленія въ городъ, мы должны были проходить мимо главнокомандующаго церемоніальнымъ маршемъ повзводно. Кто видѣлъ этотъ маршъ, тотъ никогда его не забудетъ. Солдаты были въ различной одеждѣ и обуви: рядомъ съ киверомъ съ полнымъ приборомъ и даже султаномъ была какая нибудь мѣховая шапка щеголеватаго вида, далѣе— какія-нибудь лохмотья, прикрывавшія голову. Во 2-й гренадерской ротѣ, напримѣръ, куда я былъ поставленъ на время парада, былъ только одинъ гренадеръ съ киверомъ и съ султаномъ; у прочихъ надѣты были кивера безъ султановъ и различной формы и вида шапки. Но духъ нашъ былъ бодръ подъ этою разнокалиберною одеждой; мы всѣ, какъ одинъ, были преданы Государю и Отечеству и одинаково готовы, были на всѣ

лишенія и трудности для изгнанія изъ роднаго края незваныхъ гостей.

Помню, когда проходили мы мимо фельдмаршала, онъ приказалъ вызвать пѣсенниковъ. Многіе наши ребята, несмотря на усталость, выбѣжали впередъ и дружно запѣли пѣсню: «Веселъ я тогда бываю, когда милый мой со мною». Въ это время одинъ солдатъ изъ нашей роты, выскочивъ и подплясывая впереди, при словахъ: «милый мой со мною» указывалъ прямо на фельдмаршала. Это очень понравилось Кутузову; онъ благодарилъ нашу роту и пожаловалъ всѣмъ намъ денежное награжденіе.

Въ Вильнѣ мы отдохнули и провели второй нашъ полковой праздникъ, ознаменованный Всемилостивѣйшимъ манифестомъ о полномъ помилованіи тѣхъ изъ жителей западныхъ губерній, которые волею или по принужденію служили въ рядахъ непріятеля или участвовали во враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ Россіи.

Въ самый Сочельникъ предъ праздникомъ Рождества Христова мы выступили изъ Вильны и черезъ нѣсколько дней прибыли въ м. Меречъ, гдѣ и встрѣчали новый 1813 годъ.

Вотъ, друзья мои, какъ мы провели этотъ славный 1812 г. Война эта называется по справедливости «Отечественною». Такъ какъ успѣхъ ея и счастливый конецъ всякій приписывалъ единственно лишь Провидѣнію Господню, то и на выбитыхъ въ память ея медаляхъ на одной сторонѣ изображено Всевидящее Око, а на другой начертаны слова: «Не намъ, не намъ, а имени Твоему».

Вы, вѣроятно, знаете, что всякій годъ, въ первый день праздника Рождества Христова, т. е. 25 декабря, православная Церковь празднуетъ избавленіе нашего отечества отъ нашествія французовъ и съ ними двадцати народовъ.

Въ Москвѣ, для увѣковѣченія памяти объ Отечественной войнѣ, сооруженъ храмъ Христа Спасителя, по желанію въ Бозѣ почивающаго Императора Александра I-го.

БОЕВЫЕ ПОДВИГИ РУССКОЙ АРМІИ.

АЛЬБОМЪ КАРТИНЪ ЗИМНЯГО ДВОРЦА.

ТРЕТІЙ ВЫПУСКЪ.

Отъ временъ Петра Великаго, когда едва набранная и на-скоро обученная русская армія на-голову разбила первыя войска въ Европѣ, до послѣдней турецкой войны, въ которой, тотъ же русскій солдатъ, на удивленіе всего міра, зимою перешелъ самъ и перетащилъ вслѣдъ за собою артиллерію чрезъ снѣжныя вершины Балканскихъ горъ — русская армія своею доблестью являла примѣры изумительнаго геройства какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи. Въ видахъ нагляднаго изображенія такихъ геройскихъ подвиговъ какъ цѣлыхъ частей войскъ, такъ и отдѣльныхъ лицъ, редакція журнала «Досугъ и Дѣло», съ одобренія военнаго министра и съ ВЫСОЧАЙШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА соизволенія, съ 1888 г. издаетъ рядъ хромолитографическихъ картинъ, изображающихъ боевые подвиги русскаго солдата. Для выполненія этого, ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ благоугодно было разрѣшить снять копіи съ картинъ, находящихся въ Зимнемъ дворцѣ.

Съ 1888 года редакція издала два выпуска такихъ картинъ. Нынѣ имѣется только **3-й выпускъ**, который, подобно двумъ предъидущимъ, состоитъ также изъ четырехъ картинъ слѣдующаго содержанія: 1) «Подвигъ мужества и преданности долгу бомбардира Микитина въ Средней Азіи; 2) «Подвигъ купца Иголкина во время войны Петра Великаго съ Карломъ XII»; 3) «Бой подъ Плевной за Зеленыя горы»; 4) «Бой на Шипкѣ».

Подписная цѣна на этотъ выпускъ для выписывающихъ «Досугъ и Дѣло» на 1900 г. 5 р. съ пересылкою; для прочихъ 6 р. безъ пересылки и 7 р. съ пересылкою.

Подписка какъ на журналъ на 1900 годъ, такъ и на 3-й выпускъ открыта въ редакціи журнала «Досугъ и Дѣло» С.-Петербургъ, Фонтанка, 145.

Изъ первыхъ двухъ выпусковъ остались пять картинъ:

1) Подвигъ рядоваго Кореннаго; 2) Атака лубенскихъ гусаръ; 3) Спасеніе знамени; 4) Штурмъ Ардагана; 5) Подвигъ Архипа Осипова. Цѣна каждой картины 1 руб. 50 коп.

„ДОСУГЪ и ДѢЛО“

Издается по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію ежемѣсячно, включенъ въ каталогъ періодическихъ изданій, допущенныхъ въ народныя читальни и одобренный для обращенія въ войскахъ. Журналъ состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) Статьи духовнаго и религіозно-нравственнаго содержанія, какъ-то: евангельскіе разсказы, описанія жизни святыхъ, толкованія праздниковъ и обрядовъ Православной церкви. 2) разсказы изъ народнаго и солдатскаго быта. 3) Повѣсти и разсказы литературнаго содержанія. 4) Очерки и разсказы изъ событій русской исторіи, описаніе доблестныхъ подвиговъ русскаго народа, 5) Общепонятныя свѣдѣнія о природѣ и ея явленіяхъ, преимущественно свойственныхъ Россіи, а также свѣдѣнія о жизни, нравахъ и обычаяхъ разныхъ народовъ цѣлаго свѣта, какъ образованныхъ, такъ и дикихъ. 6) Статьи касающіяся жизни человѣка, въ особенности при условіяхъ народнаго быта, способствующія къ искорененію господствующихъ въ народѣ предразсудковъ, вредящихъ здоровью и сохраненію жизни. 7) Свѣдѣнія о разныхъ физическихъ явленіяхъ, происшествіяхъ и вообще всякаго рода мелкихъ извѣстій.

Ко многимъ статьямъ для наглядности прилагаются рисунки.

Журналъ выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна **4** руб. съ пересылкою въ годъ.

Земства, разнаго рода школы, училища и волостныя правленія благоволятъ подписываться по слѣдующему адресу: Петербургъ, Фонтанка, 145, контора «ДОСУГЪ и ДѢЛО».

Каталогъ книгъ, изданныхъ редакціею высылается безплатно.

20071111382